

Ян Е вдруг усмехнулся — зло и холодно.

— Линь Шу, — заговорил он с издевкой. — Могу я поинтересоваться, в чём же вина маркиза? С каких пор ты смеешь тащить меня в Небесную тюрьму Верховного суда?

Перед ним стоял Левый заместитель судьи Верховного суда Линь Шу — чиновник третьего ранга. Пусть он и состоял на службе у престола, но при дворе по какой-то причине никогда не появлялся. Окопавшись в этой зловонной, отрезанной от солнца темнице, он творил бесчинства в своё удовольствие. Слава о нём гремела по всей империи Да Янь, однако в лицо этого человека знали единицы. Он славился умением распутывать самые безнадежные заговоры, но человеческие жизни ценил не выше придорожной пыли. Стоило бедолаге переступить порог Небесной тюрьмы, как он исчезал без следа. Имел ли к этому отношение блистательный господин Линь? Об этом оставалось лишь догадываться.

Окажись Ян Е в безвыходном положении — утони Фэн Гэ в пруду, запутавшись в тине, попадись она в лапы карауливших у воды убийц или не найди она дорогу к поместью князя Чжао, — Хуайнань-хоу сгинул бы так же бесследно. И тогда Ян Си и Бэйчэнь Цин могли хоть всю землю перевернуть, хоть до самого ада спуститься — они бы его уже не нашли.

Линь Шу пропустил слова узника мимо ушей.

— Поступил донос, — бесстрастно заговорил он. — Тебя обвиняют в тайной переписке с князем Чжао, который сейчас находится на передовой. Вы сговаривались, сколачивали клику и замыслили мятеж. Что скажешь в своё оправдание?

Ян Е понимающе протянул «о-о» и заметно расслабился. Он собирался было разразиться гневной, исполненной достоинства обличительной речью, но вдруг рассмеялся. Его улыбка, тёплая и светлая, казалось, на миг разогнала вечный мрак сырого каземата.

— Так вот на что вы замахнулись, — проговорил он. — Мятеж? Ха-ха-ха! Переписка действительно была, отрицать не стану. Обычные семейные весточки — справлялись о здоровье друг друга. Но бунт?.. Каким же образом я, по-твоему, должен его поднять? Маркиз ума не приложит. Если тебе известно больше моего, так просвети, будь любезен.

Линь Шу выдвинул потайной ящик стола, достал пачку писем и неторопливо разложил их перед собой. Ян Е впился взглядом в бумаги, сердце его бешено заколотилось.

— Подлец! — вскричал он, не на шутку разозлившись. — Как ты смеешь воровать мои письма? Где ты их выкопал?

Все эти послания были написаны рукой самого Ян Си. Ян Е держал их в самом надёжном, как ему казалось, месте, а теперь они преспокойно лежали перед Линь Шу.

Линь Шу промолчал. Он вытащил один из свитков, пробежал по нему глазами и зачитал ровным голосом:

— «Князь Чжао пишет: Генерал Правой гвардии Юань Оумин, один из командующих двенадцатью гвардейскими корпусами, когда-то был учеником канцлера Вэя, тестя князя Чжао. Под его началом находится прекрасно снаряжённый полк лёгкой конницы. Генерал обожает охоту. Если заскучаешь, можешь наприситься с ним в леса, а заодно переманить его на нашу сторону».

Линь Шу слегка склонил голову, припоминая детали:

— Ты встречался с ним двадцать восемь раз. В последние встречи он сам зазывал тебя в трактиры и платил за угощение. Похоже, тебе удалось вскружить ему голову.

Он взял следующий лист:

— А вот другое письмо: «Левый кавалер-советник Янь Фэн ценит доброе вино, сам по себе человек степенный, благонравный и весьма начитанный. На досуге выпей с ним, расспроси о книгах — он не станет смеяться над твоей хмельной удалью». Янь Фэн некогда заведовал столичным арсеналом. Очевидно, вы нацелились на императорское оружие.

— А в этом послании говорится...

— Да когда ты уже заткнёшься?! — не выдержал Ян Е. — Четвёртый принц просто не хотел, чтобы я тосковал в одиночестве, и советовал составить компанию приличным людям! И это, по-твоему, доказательство государственной измены?

Линь Шу взмахнул широким рукавом, одним движением собирая письма в аккуратную стопку.

— Это называется сговором ради личной выгоды, — ровным, леденящим тоном произнёс он. — Вы готовили почву для будущего бунта. Как бы усердно вы ни шифровали послания тайными знаками, я вижу вас насквозь. Отпираться бессмысленно. Сознайся во всём сейчас, облегчи себе участь.

Ян Е зло завыл от негодования:

— Было бы желание обвинить, а повод всегда найдётся! С каких пор дружеские письма стали приговором для меня и князя Чжао? Ты бредишь наяву! Да по тебе самому плаха плачет!

Линь Шу слегка повёл головой.

— Мне это ни к чему, — бесстрастно отозвался он. — Власть меня не прельщает. В отличие от

тебя.

Он неспешно поднялся со своего места и подошёл к пленнику. Ян Е прищурился, сиюсь разглядеть того, чьё грозное имя знала вся империя Да Янь, но чьего лица никто никогда не видел. Перед ним высился стройный, статный мужчина. Скудный свет, падавший со спины, заставлял его серебристо-серые одежды отливать мягким, ртутным блеском. На вид судье было не больше двадцати четырёх лет. Из-за постоянного пребывания в подземных казематах его кожа казалась матово-белой, точно резной нефрит. Уголки глаз были хищно приподняты, а во взоре застыло равнодушие — холодное и неподвижное, как ледяная гладь глубокого колодца.

Этот безучастный взгляд скользнул по Ян Е, словно прошивая его насквозь и устремляясь куда-то в пустоту. Ян Е набычился, не желая уступать, и в упор уставился на палача. Тот развернул свиток, который держал в руках.

— Я сам составил твоё признание, — ровным тоном произнёс Линь Шу. — От тебя требуется лишь приложить палец с тушью.

Ян Е презрительно сплюнул:

— Поглядите-ка на этого мертвеца! Ты кто такой вообще? Выродок, сбежавший из девятнадцатого круга ада, или упырь, приползший с гробниц Ман? Как ты смеешь клеветать на меня? Я чист перед законом и ничего подписывать не стану!

На дерзкую брань Линь Шу даже бровью не повёл. Лицо его осталось маской.

— К пыткам, — негромко приказал он подручным. — Истязать до тех пор, пока Хуайнань-хоу не взмолится о пощаде и не поставит подпись.

Палачи набросились на пленника, железной хваткой заламывая ему конечности. Его оттащили к восточной стене, где громоздилось жуткое приспособление, и грубо швырнули на дыбу. С глухим щелчком сработал скрытый механизм: из тяжёлой рамы выдвинулись стальные оковы, намертво зажав запястья и лодыжки. Ян Е рванулся, пытаясь высвободиться, но лишь взвыл от внезапной пронзительной боли — с внутренней стороны облучей наружу вылезли острые шипы, глубоко вонзаясь в живую плоть.

Слёзы брызнули из глаз от невыносимой муки.

— Тварь недорезанная! — истошно заорал Ян Е. — Ублюдок могильный! Только и можешь, что прятаться в этой крысиной норе и людей пытать! Я твою мать ебал, и отца твоего, и сестёр, и братьев! Всех твоих предков до десятого колена в гробу переворачивал!

Он сорвал голос, перечисляя всю родню судьи, но его ярость пропала втуне. Линь Шу даже глазом не моргнул. Он невозмутимо вернулся к своему креслу, сделал глоток ароматного чая и

лишь тогда неторопливо отозвался:

— Мои родные давно мертвы. Так что если хочешь исполнить обещанное — наберись терпения. Отправишься на тот свет, там и развлечёшься.

Ян Е уставился на него бешеным, испепеляющим взглядом. Вдруг за спиной свистнул воздух — оглушительный удар плети сперва отозвался мертвящим онемением, которое тут же сменилось невыносимым, обжигающим жаром, а следом пришла острая, выворачивающая суставы боль. Плеть заходила ходуном. Это были не обычные розги, а тугой кожаный жгут, обвитый стальной проволокой. Каждый удар кромсал кожу на лоскуты. Ян Е стискивал зубы, хрипел, но в коротких перерывах между ударами умудрялся изрыгать новые проклятия.

Линь Шу наблюдал за экзекуцией лениво, без особого интереса. Когда палачи отсчитали уже несколько десятков ударов, а пленник, вопреки ожиданиям, всё ещё хрипло огрызался, судья задумчиво опустил пиалу. Слуга тут же бесшумно подлил горячей воды.

— Довольно, — негромко произнёс Линь Шу. — Несите раскалённое железо.

В камеру внесли жаровню, на которой багровели угли. Поверх них лежало больше десятка клейм — от огромных до совсем крошечных. На этот раз за дело взялся сам помощник смотрителя тюрьмы — знак особого почтения к высокопоставленному узнику. Палач вопросительно взглянул на судью. Линь Шу едва заметно кивнул.

Мужчина подцепил щипцами самое маленькое клеймо — размером с медную монету. Раскалённый докрасна металл с шипением коснулся груди Ян Е.

Вверх повалил едкий сизый дым с запахом палёного мяса. Ян Е захлебнулся собственным криком, перешедшим в хриплый стон, и ругательства наконец смолкли.

Боль была неопишуемой. Она проникала под кожу, плавила кости, заставляя всё его тело содрогаться в судорогах. В это страшное мгновение Ян Е вдруг отчётливо осознал: жизнь — это не только хмельной угар весёлых пирушек. Это не глупые капризы перед Юньци и не визиты к Ян Си, у которого можно было кланчить подарки и бездельничать целыми днями. Жизнь могла обрушиться внезапной лавиной кошмара, заставить корчиться от такой дикой, выворачивающей наизнанку пытки, рядом с которой смерть казалась избавлением.

За всё на этом свете приходилось платить.

Когда раскалённое добела клеймо коснулось его груди в десятый раз, Ян Е уже искусал губы в кровь. Лицо его сделалось белым как полотно, со лба крупными каплями катился холодный пот, а сознание уплывало в спасительное забытьё. Сквозь глухую пелену он расслышал далёкий, вкрадчивый голос Линь Шу:

— Приведите его в чувство.

Ледяная вода из ушата хлестнула в лицо. Ян Е резко вздохнул, вырываясь из темноты. В каземате сгущались сумерки. Тюремщик зажёл масляную лампу, тусклый огонёк которой едва разгонял мрак.

— Стемнело... — едва слышно прошелестел Ян Е.

Никто ему не ответил. Тьма окончательно поглотила темницу. Линь Шу неторопливо поднялся с кресла, вновь подошёл к дыбе и указал на лежащий в углу предмет:

— Наденьте это на него.

Это был начищенный до блеска металлический доспех, но вдоль рёбер с обеих сторон тянулись странные прорезы. Ян Е хотел спросить, что это за дьявольское изобретение, но из пересохшего горла вырвался лишь сиплый вздох. Стражники подняли доспех и разъединили его на две половины — нагрудник и наспинник. Тут Ян Е всё понял.

Внутренняя сторона лат была усеяна сотнями тонких серебряных игл длиной в полцуня. Умереть от таких ран было невозможно, да и крови они пускали немного, но мучение обещали адское.

Палачи наложили тяжёлые пластины на его тело и затянули боковые крепления. Сработал пружинный замок, и доспех намертво сжал грудь и спину узника.

— Сие зовётся «Нефритовым одеянием с золотыми нитями», — скалясь, пояснил один из истязателей.

Ян Е зажмурился, зубы его скрипнули с такой силой, что едва не раскрошились. Тысячи игл одновременно вонзились в истерзанную кожу. От этой пронзительной, сводящей с ума боли он затрясся всем телом. Прошло немало времени, прежде чем он смог выдавить сквозь хрип:

— Линь... Шу... Почему ты просто не прикончишь меня?..

Судья наклонился к самому его лицу. Голос его прозвучал тихо, почти ласково:

— Тебе нельзя умирать.

Он выпрямился и бросил через плечо:

— Подать ужин для Хуайнань-хоу.

Вздвигнув от его близости, Ян Е с трудом разомкнул веки. Линь Шу стоял всего в паре шагов и созерцал его мучения не мигая. В глубине его тёмных, непроницаемых зрачков заплясали едва заметные искры. «Ему это нравится, твари!» — вспыхнула мысль.

— Пёс шелудивый! — выплюнул Ян Е, преодолевая боль. — Сладко тебе смотреть на чужие муки? Да ты больной на всю голову! Ступай к лекарям, пусть они твой безумный разум подлечат, и не пялься на меня своими сучьими глазами!

Должно быть, Линь Шу наслушался подобного за годы службы — лицо его не выразило ни тени гнева. Один из стражников подошёл с чашей «ужина». Ян Е, опасаясь, что его хотят отравить какой-нибудь мерзостью, намертво сжал челюсти. Однако палач ловким, привычным движением нажал на особые точки — сустав хрустнул, и челюсть бессильно отвисла, вывихнутая из пазов.

В горло узнику потекла горячая жидкость. Ян Е приготовился к худшему, но язык уловил сладковато-горький вкус крепкого отвара из отборного дикого женьшеня. Он ошеломлённо уставился на Линь Шу.

Когда чаша опустела, стражник по знаку господина резким рывком вправил челюсть на место. Линь Шу более не удостоил пленника даже взглядом. Он развернулся и неспешно вышел вон. Его высокая, прямая фигура удалялась с величавой, пугающей лёгкостью.

Теперь Ян Е всё понял. Линь Шу не собирался даровать ему быструю смерть — женьшеневый отвар должен был поддерживать тлеющую жизнь в истерзанном теле, не позволяя сердцу остановиться от болевого шока.

Эта ночь, проведённая в тисках «Нефритового одеяния», стала самой долгой и страшной в жизни Ян Е. Он пытался собрать остатки внутренней силы, чтобы притупить страдания, но изнурение брало своё. Он проваливался в тяжёлое забытие, тут же просыпался от новой вспышки боли, снова засыпал и снова вскрикивал от пронзительного укола игл. Кошмар шёл по кругу, и казалось, этой пытке не будет конца.

На рассвете пришли двое стражников и наконец сняли с него утыканный иглами панцирь. Ян Е метался в лихорадке, тело его горело как в огне, кожа страшно опухла, а нижнее бельё превратилось в грязные лохмотья, пропитанные кровью и сукровицей, поверх которых чернели следы от ожогов. Он не мог видеть себя со стороны, но догадывался, что превратился в кровавое месиво. Явись сейчас за его душой сами черно-белые стражи смерти, они вряд ли признали бы в этом куске израненной плоти благородного маркиза.

В камеру вошёл Линь Шу. Сегодня на нём было длинное чёрное одеяние, расшитое тёмно-красными узорами в виде священных птиц Чжуцзюэ. Ткань выглядела баснословно дорогой, но на самом платье не было ни единого украшения. Судья чинно устроился в своём кресле. Слуга поднёс ему свежесваренный чай — всё тот же императорский сорт «Белые брови Трёх Чистот».

Вчерашний свиток с признанием лёг на стол прямо перед ним. Линь Шу молча созерцал полуживого узника, а затем негромко спросил:

— Подпишешь?

<http://bllate.org/book/19546/1953444>